

С. Ю. Демиденко

МОЛОДЕЖЬ БЕЗ РАБОТЫ: ПОДДЕРЖКА СЕМЬИ КАК (ДЕ)СТАБИЛИЗИРУЮЩИЙ ФАКТОР*

Исследования последних лет констатируют: увеличивается средний возраст достижения индивидом профессиональных и семейных статусов, традиционно относящихся к этапу взрослой жизни (стабильная работа, карьера, семья, брак и дети). Все чаще исследователи проблематизируют этот процесс взросления, выделяя особую группу молодежи, которая не учится и не работает (NEET-молодежь, ни-ни, хикикамории), говорят об инфантильности, несамостоятельности современного молодого поколения (навешивая порой ярлык «потерянного поколения»), нежелании взрослеть и брать на себя ответственность. Такая модель поведения характерна не только для России, но и для развитых стран. В статье освещается проблема взаимодействия молодежи от 20 до 30 лет, находящейся вне сферы занятости и учебы, с родительской семьей. На основе глубинных интервью с молодежью, проведенных в 2018 г., анализируется взаимосвязь безработной или нестабильно занятой молодежи с социальным статусом семьи. Интервью с молодыми безработными служат базой для выявления форм поддержки семьи в ситуации отсутствия работы, факторов влияния семьи на формирование стратегии поведения детей в трудовой сфере.

Ключевые слова: молодежная безработица, NEET-молодежь, безработная молодежь, переход «учеба — работа», семья, культурный и социальный капитал.

DEMIDENKO SVETLANA YU.

YOUTH WITHOUT WORK: FAMILY SUPPORT AS A (DE)STABILIZING FACTOR

Modern studies have found that the average age of achievement of professional and family status, traditionally related to the stage of adult life (stable work, career, family, marriage and children), is increasing. Increasingly, researchers problematizing this process of growing up, highlighting a special group of young people who do not study and do not work (NEET-young people, no-no, hikikomori), they talk about the immaturity, lack of independence of the modern young generation

---

* Расширенная версия тезисов доклада на Всероссийской научной конференции XI Социологические чтения памяти В. Б. Голофафа «Семья в современном мире», проведенной в Санкт-Петербурге 28–31 марта 2019 г.

(sometimes hanging the label of “lost generation”), not the desire to grow up and take responsibility. This model of behavior is typical not only for Russia, but also for developed countries. The article highlights the problem of interaction of young people from 20 to 30 years, who are outside the sphere of employment and study, with the parent family. Based on in-depth interviews with young people conducted in 2018, the author analyzes the relationship of unemployed or unstable young people with the social status of the family. Interviews with young unemployed people serve as a basis for identifying the factors of family influence on the formation of the strategy of children’s behavior in the labor sphere.

Keywords: youth unemployment, NEET-youth, unemployed youth, transition “study — work”, family, cultural and social capital.

К постановке проблемы

В названии статьи намеренно не использован термин NEET-молодежь (от англ. Not in Employment, Education or Training), появившийся сравнительно недавно (см.: Варшавская 2016), так как хотелось обозначить проблему иначе. И хотя данный термин был введен как раз для учета индивидуализации и разнообразия траекторий при переходе «от учебы к работе», так как традиционные показатели не давали полную картину для анализа положения молодежи на рынке труда, границы так называемой NEET-молодежи довольно размыты, выделяется множество подгрупп, что также усложняет интерпретацию полученных данных. Так, речь может идти о: условно безработных, тех, кто не имел работу более трех месяцев; ограниченных в своих возможностях (молодые родители, те, кто имеет проблемы со здоровьем); свободных от обязательств (намеренно не ищут работу и не желают учиться, а также ведущие опасный и асоциальный образ жизни); формально социально исключенных, но ищущих возможность включиться в полноценную общественную жизнь, добровольно выбравших NEET-траекторию («вечные путешественники», дауншифтеры и те, кто настроен на конструктивную творческую деятельность и саморазвитие, вольные художники, музыканты и пр.) (Б. Хольте, Осло) (Ядова 2017: 124).

Исследователи практически едины в том, что в современном мире увеличивается время достижения индивидом профессиональных и семейных статусов, традиционно относящихся к этапу взрослой жизни: стабильная работа, карьера, семья, брак и дети. Так, увеличился средний возраст вступления в первый брак — для мужчин 27,8 лет, для женщин 24,6 года (данные Росстата за 2016 г.), для сравнения

в 1990 г. — 23,8 и 21,3 года соответственно¹. Тренд «взросления» супружества, пришедший на смену более чем тридцатилетнему периоду «омоложения» брачности, весьма заметен. Хотя нужно иметь в виду и появление новых структурных форм семей (Гурко 2017), в том числе распространение сожительств среди молодежи, так называемый пробный брак, который в дальнейшем при появлении детей может быть официально оформлен.

Существуют определенные предпосылки для продления детства (феномен «длинное детство»), точнее, отсрочки самостоятельной жизни (см., например, Ярская-Смирнова и др. 2008). Американский психолог Джеффри Йенсен Арне (Jeffery Jensen Arnett), профессор университета Кларка, выделяет особый период в жизни человека — «раннюю взрослость», который характеризуется также своими особенностями (Arnett 2014; 2010), как, например, подростковый возраст, о котором более ста лет назад писал Стенли Холл. Профессор Арне пишет, что в современном обществе до 25–30 лет молодой человек или девушка могут оставаться на иждивении родителей, что связано и с получением высшего образования, и с изменением системы ценностей у молодого поколения (в частности, ценности семьи, карьерного роста). Происходит не только откладывание взросления, но и изменение «графика взрослой жизни». Сама так называемая концепция жизненного цикла подвергается критике, так как в современном мире некий единый жизненный путь является скорее анахронизмом, настолько разные сценарии избираются молодежью.

Не стоит забывать и об общемировых трендах в сфере труда — изменение форм трудовой занятости, индивидуализация труда, размытие границ между работой и досугом, свободным временем (см., например: Бауман 2005; Стэндинг 2014 и др.). Современный этап развития экономики характеризуется распространением неустойчивых форм занятости — временная занятость, самозанятость, заемный труд, фриланс и т. д., которые в большей степени распространились после кризиса 2014–2015 гг., способствуя прекаризации занятости, в том числе и молодежи. Работодатели не заинтересованы в предоставлении трудовых контрактов на постоянной основе, привлекая сотрудников по краткосрочным контрактам, либо вообще к работе без всяких оговоренных гарантий. Хотя значительная часть молодежи все же мечтает о стабильной работе и зарплате, в реальности молодое поколение в большей степени обречено на прекарную занятость. Исследователи отмечают

---

¹ Браки и разводы в Российской Федерации. Росстат, [2017]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/rosstat/smi/prez_love0707.pdf (дата обращения: 12.05.2019).

парадокс — при провозглашении потребности в опоре на новое поколение работников, именно молодежь является наиболее ущемленной и дискриминируемой группой (Тощенко 2018: 189). В связи с новой пенсионной реформой конкуренция между выходящими на рынок труда молодыми людьми и более старшими возрастными когортами профессионалов увеличивается. Предпенсионная когорта ограничивает жизненные перспективы молодых, не стремясь уступать место на рынке труда. Пенсионеры, вынужденные подрабатывать из-за небольшого дохода, и мигранты, соглашаясь на нестабильную работу, понижают тем самым уровень зарплат и усложняют положение на рынке молодежи.

Английский социолог Саймон Фрис считал, что взросление происходит в движении по двум векторам: от зависимости к независимости, от безответственности — к ответственности (Frith 1984). Однако все большая часть молодежи не стремится взрослеть и брать на себя ответственность. Социологи и психологи все чаще говорят об инфантильности, несамостоятельности современного молодого поколения. Появились даже особые термины — кидалты, дети-бумеранги, НЕЕТ-молодежь, поколение ни-ни в западноевропейских странах, хикикомори в восточноазиатских странах. По сути с разной степенью вариативности они означают молодых взрослых людей, которые часто живут с родителями, пользуются их поддержкой и не имеют постоянной занятости. Родительское гнездо представляет собой эмоционально теплую нишу, убежище, откладывающее начало самостоятельной жизни.

При этом в российском обществе, по данным Левада-центра, в 2018 г. несколько увеличилось число тех, кто считает, что дети в возрасте 18–25 лет, не состоящие в браке, должны жить отдельно от родителей (с 52% в 2003 г. до 62% в 2018 г.). На уточняющий вопрос: почему они должны жить отдельно, 65% россиян считают, что дети становятся самостоятельными, приучаются отвечать за свои поступки и принимать решения; а 35% полагают, что они поэтому раньше становятся независимыми, включаясь в трудовую жизнь, еще 14% связывают это с освобождением от жесткого контроля со стороны родителей и уменьшению конфликтов между ними. А из тех 30% россиян, кто определенно или скорее за совместное проживание, 49% считают, что дети не готовы к самостоятельной жизни, не имеют жилья и навыков организации собственного быта, еще 31% беспокоятся, что отдельное проживание ослабляет родительский контроль, включая финансовый, и дети могут пойти по «неправильному пути», а треть из них думают, что это приводит к отчуждению в отношениях, а 9% опасаются ослаблению материальной помощи от детей (Должны ли взрослые... 2019).

Конечно, «маменькины сынки и дочки», взрослые дети на шее у родителей, «недоросли» — явление далеко не новое. Подтверждение этому — многочисленные примеры из произведений художественной классической литературы. Однако за последние годы количество молодых взрослых, материально зависящих от родителей, значительно увеличилось. При этом речь порой ведется о новых формах эскапизма уже в цифровом обществе. Вспомним, что Роберт Мертон считал эскапизм типичным проявлением в обществе аномии. К самоизоляции могут приводить и дисфункциональные отношения в семье или со сверстниками, либо завышенные ожидания родителей в отношении профессиональной карьеры их детей в будущем. Исследования показывают, что большинство хикки выросли в чрезмерно опекаемых и обеспеченных семьях (см., например, обзор: Ядова 2017). В низкоресурсной семье содержать иждивенца слишком накладно.

По данным Госстата, в 2016 г. безработные 15–29 лет составляли 40% от всех безработных, и основная часть из них приходится на возраст 20–24 лет (Труд и занятость... 2017). То есть мы говорим прежде всего о безработице молодежи, связанной с переходом «учеба — работа», поэтому эту проблему следует рассматривать и через связь с родительской семьей. В период первичной социализации молодые люди остаются зависимы от нее и ее возможностей. В России возможности родительских семей существенным образом различаются: дети из одних могут учиться в лучших заведениях страны и мира, не беспокоясь о хлебе насущном, другие, получая образование, вынуждены ограничивать себя и искать постоянные подработки. Поэтому успешный «жизненный старт» молодежи во «взрослом мире» во многом обусловлен не только активностью, способностями, потребностями актора, выбранной трудовой стратегией, но и социальным положением его родительской семьи. Неравенство стартовых позиций молодежи — это прежде всего неравенство семейных капиталов. При этом речь идет не только об экономическом, но и социальном и культурном капиталах. Цель статьи — проанализировать взаимосвязь безработной или нестабильно занятой молодежи с социальным статусом семьи, а также рассмотреть факторы влияния семьи на формирование стратегии поведения детей в трудовой сфере.

Данные и методы

В фокусе нашего рассмотрения молодежь от 20 до 30 лет, находящаяся вне сферы занятости и учебы. Именно в это время обычно завершается период получения образования, и молодежь в силу

своей уязвимости на рынке труда (отсутствие опыта работы, профессиональных компетенций, рабочих мест) чаще всего сталкивается с проблемами трудоустройства. В основу легли глубинные интервью с молодежью, проведенные в 2018 г. в рамках проекта «Молодежь на рынке труда: стратегии профессионализации и занятости молодежной когорты в современном российском обществе»². Проект также предполагал проведение онлайн-опроса. Всего было собрано 52 интервью. География охватывает Центральный федеральный округ, Южный, Приволжский. Интервью с молодыми людьми проходили в более широких возрастных рамках — 18–35 лет. Критериями отбора служили — место проживания (столицы/провинциальные города/сельская местность), возраст, пол, образование. В результате 42 человека являются городскими жителями (12 чел. проживают в Москве, 30 — в других российских городах), 10 — жители сел (подробнее см.: ИНАБ. 2018. № 1). Помимо этого использовалась стратегия насыщенности случаев.

Для первичной категоризации использовался весь массив интервью. В дальнейшем из 52 интервью были отобраны 10, в выборку попали все те, кто в настоящее время не работает и не учится либо имел продолжительный (более трех месяцев) период безработицы, кто подходит под заданные характеристики возраста (20–30 лет). Заметим, что гендерный аспект в вопросах изучения (не)занятости играет существенный вес (Здравомыслова, Темкина 2015: 466–551). Однако в настоящей статье этот вопрос отдельно не исследовался.

Проследить взаимосвязь социального положения семьи и существующего статуса информанта только на данных интервью с молодежью довольно сложно, так как в данном исследовании не предполагался опрос родителей. Поэтому при анализе важно учитывать эти ограничения. Сконцентрируемся на тех моментах родительской поддержки, о которых рассказывали молодые люди, не упуская из виду и форм молчания (Шульц, Любимова 2018) — то, о чем не повествовали информанты, т. е. невысказанное также может служить конструктом дискурса.

Триангуляцией в ряде аспектов служили данные онлайн-опроса, а также анализ дополнительных источников — литературы и исследований.

Коротко охарактеризуем социальный состав подвыборки³. Из 10 человек — 6 мужчин. В основном информанты из небольших городов и сельской местности. Все, кто на момент опроса проживал в Москве

---

² В рамках государственного задания № 28.1328.2017/ПЧ Министерства образования и науки РФ.

³ Короткое описание см. в Приложении.

или Санкт-Петербурге, мигрировали туда в поисках работы. Восемь человек не имеют работы, из них только три находятся в активном поиске. Два человека работали на момент интервью, но имели периоды без работы больше трех месяцев. Подчеркнем, что в качественном исследовании важны для анализа отдельные разнообразные случаи, феномены, имеющие свою собственную структуру и логику (Квале 2003: 229–233), поэтому данная подвыборка не может репрезентативно отражать ситуацию на рынке и лишь является набором разных жизненных ситуаций для более подробного изучения случаев безработицы, мотиваций незанятости и пр. Однако то, что в нашу подвыборку попало большее число мужчин, жителей села и провинциальных городов, отражает общую картину молодежной безработицы⁴.

О влиянии статуса семьи на трудовую занятость молодежи

Говоря о классовых и социальных позициях родительской семьи и их наследниках, отметим, что в половине случаев происходит наследование статуса родителей, т. е. дети родителей с высшим образованием также имеют высшее образование. Только в двух случаях дети из слабoresурсных семей смогли получить высшее образование, при этом полученная специальность не приводит к трудоустройству по профессии — например, экономист после окончания вуза устраивается на работу кондитером, так как мама рабочая на этом же хлебозаводе (№ 4).

Получается, что в семье, где культурный капитал не наследуется, т. е. информант — первый в семье, получивший высшее образование, при трудоустройстве использует социальный капитал семьи, но эти связи остаются в рамках класса родителей. То есть с получением высшего образования переход в другой класс не происходит. Это подтверждается и данными нашего онлайн-опроса. Так, установлено, что выходцы из семей с меньшим капиталом, искали работу дольше, чем те, кто наследовал культурный капитал. В группе «наследников» трудоустройство проходило на специальности, ближе к полученному образованию, чем в группе из среднеобразованных семей, где речь чаще идет о так называемом контингентном трудоустройстве: искатель соглашается на любую работу, лишь бы получить доступ к средствам существования (Черныш 2018). В этом случае работа часто находится

---

⁴ См.: Труд и занятость в России — 2017 г. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_36/Main.htm (дата обращения: 19.05.2019).

быстро, в основном через знакомых и родственников, но на ней молодежь не закрепляется, превращая свою трудовую биографию в череду коротких трудовых проектов.

«Через знакомых, в основном. Предлагали что-то. Обещали одно, а потом чуть поработали, а оно выходит по-другому совсем. Все, и обратно, ищешь другую» (№ 8).

А неформальная занятость порою считается благом:

«...хотелось быстрых денег постоянно. Подработал — и сразу рассчитались, а не то, что месяц там работать...» (№ 8).

По данным опроса Росстата выпускников вузов 2010–2015 гг., студенты-заочники, а также студенты платных отделений чаще используют канал родственных связей (Варшавская 2019). Это может свидетельствовать и о изначально менее низком образовательном уровне — не смогли поступить на бюджет, учились платно или заочно, но не следует исключать, что в ряде вузов конкурс на бюджетные места довольно высокий, а на заочное отделение вынуждены идти те, кто должен в силу семейных обстоятельств совмещать работу и учебу, что также чаще всего соотносится с недостаточным культурным и социальным капиталом семьи.

Только один раз из нашей небольшой подвыборки встречается вариант низходящей мобильности, когда высокие позиции семьи потеряны в следующем поколении. В этом случае семья старалась сделать все возможное для наследования капитала — нанимали репетиторов для подготовки к поступлению, используя социальные связи, оформили целевое направление в вуз, но сын бросил его, практически не начав. Поступил учиться на программиста в техникум, в дальнейшем постоянно менял работу одну за другой, оставаясь на довольно низких социальных позициях. При дополнительном разговоре с его тетей оказалось, что он был рад работе рабочего, она его привлекала и манила, к тому же финансово приносила бы гораздо больший доход, нежели тот, что он получал, работая то кладовщиком, то охранником в детском саду, то продавцом-консультантом в магазине техники, то пожарным и т. п. Однако семьей не рассматривался этот вариант и всячески отвергался, прежде всего вследствие представлений о более низких социальных позициях рабочих.

Установлено, что большинство молодежи, находящейся в состоянии безработицы, из семей с довольно высоким уровнем культурного и социального капитала, их периоды без работы гораздо продолжительнее,

чем у информантов из слаборесурсных семей. При сравнении с другими интервью проекта выясняется, что молодежь из семей с низким капиталом чаще находит работу, однако она не всегда соответствует полученному образованию, часто является неформальной.

Многочисленные исследования молодежи обычно свидетельствуют о таких проблемах с поиском работы, как отсутствие опыта работы (69,8%), низкий уровень предлагаемой заработной платы (40,7%), отсутствие необходимых подходящих рабочих мест (32,8%) и невозможность найти работу по полученной специальности (22,5%). И только четверть выпускников вузов (24,6%) не сталкиваются с трудностями при поиске (Варшавская 2019). Чаще всего это выпускники государственных вузов, бюджетных отделений, что может являться косвенным показателем не только их более высокого качества образования, но и высокого уровня социального и культурного капитала семей.

Говоря о влиянии родительской семьи на трудовую занятость молодежи, надо иметь в виду тот аспект, который характерен в целом для современной молодежной когорты. Частая смена работ, короткие трудовые проекты, несколько мест работы, неоднократная смена профессии — все эти практики становятся нормой для молодого поколения. Поэтому периоды без работы не всегда воспринимаются молодежью трагично. Например, в нашей выборке есть случай (№ 1), когда молодой человек, окончив творческий вуз, долгое время находился без работы. Приняв решение переехать к родителям в родной город, чтобы оформить документы для военного билета, так как болен астмой, он вынужденно задержался не только из-за бюрократических проволочек с оформлением и комиссиями, но и из-за готовности помочь родителям, так как отец в это время повредил руку и был нетрудоспособен. В момент первого интервью он и сам желал попробовать себя в разных амплуа:

«У меня была мысль поработать на разных работах ради интереса. Поработать бариста, чтобы научиться варить кофе, или попробовать поработать барменом, чтобы уметь коктейли делать. И.: Для чего тебе это надо, просто научиться делать? Р.: Скорее как опыт, потому что я эмпирически познаю жизнь, то есть через все это».

Периоды без работы он воспринимал как норму на современном рынке труда:

«...я скорее не буду страшиться, если останусь без работы, но не в том смысле, что я не боюсь, а в том, что это естественно, потому что сейчас очень большая текучка кадров. То есть сейчас смена работы является чем-то нормальным» (№ 1).

Свою временную работу на стройке после окончания вуза уже в своем родном городе он описывал исключительно в восторженных тонах, рассматривая ее место эстетически, так как, работая на лесах, он любовался видом на озеро, наблюдал красивые закаты. Через 7 месяцев без работы он устраивается в Петербурге (проживая в собственной квартире-студии на окраине города, купленной семьей) помощником столяра, совмещая функции фотографа (снимает изделия для сайта). Но тот доход, что он получает, не может обеспечить его, поэтому он продолжает получать материальную поддержку семьи — отца и деда.

Иной случай у молодого человека из слаборесурсной семьи (№ 8), когда было желание остаться служить в армии, но он долго ждал результаты комиссии и в это время не искал работу.

«После армии я пришел. Я сидел месяца три дома. (...) Долго устраивался, долго устраивался... Документы пока там отсылали. Отношение, потом не получилось. И.: А “отношение” — что имеется в виду? Р.: Отношение, ну, с этого... С части. Надо брать отношение. И.: Угу. Это что такое? Р.: Ну, это, что меня берут туда. А потом, по комиссии — годен я, не годен, они уже смотрят. Ну, комиссия смотрит. Если я по категории не прохожу, то меня не допускают. Вот, меня и не допустили» (По причине плоскостопия. — *Примеч С. Д.*)

В целом он сменил множество мест работ к моменту опроса, часто трудоустриваясь неформально, получая деньги в конвертах (укладка полов, грузчик и т. п.), в основном на низких позициях.

«И.: А было ли у тебя такое время, когда ты потерял работу и на какое-то время остался без работы? Р.: Было, да. В основном, постоянно так. С одной уходишь, потом посидишь. И.: А сколько примерно вот этот промежуток от одной до другой работы времени составляет? Р.: ...От недели до месяца».

Частая смена работы происходит в основном из-за того, что заработная плата существенно меньше обещанной. Находиться долго совсем без работы сейчас он не может, в настоящее время он не работает, так как учится на водителя, чтобы в дальнейшем работать на фуре. Однако в какой-то мере ресурс семьи он планирует использовать в будущем. У него есть наследство — дом в сельской местности (но не родительский, из интервью не вполне ясно, как он получен), за который он хочет выручить сумму в 400–500 тыс. руб. И это станет основным вложением в покупку грузовика.

«Р.: Своего чего-то [хочется]. И.: Имеется в виду — свой бизнес, или?.. Р.: Ну, да. И.: А какой бы ты бизнес хотел? Р.: Вам все так и расскажи,

ха-ха! И.: Ну, можно просто... В общем, что-то обозначить, примерно, чего хочется достичь. Например, кем ты хочешь быть? Р.: Водителем. И.: Тоже водителем, но... Р.: Да, что-нибудь поводить... Может, свое, тоже, ИП. И.: А чтобы открыть свое ИП, что нужно? Р.: ...Камаз купить или фуру» (№ 8).

В целом для выпускников СПО (коим является респондент № 8) характерны более высокий уровень участия в рабочей силе (88 и 87,5%), уровень занятости (80,9–78,7%) и одновременно более высокие показатели безработицы (8,1–10,1%)⁵, чем в среднем, в возрасте 15–72 лет (69,5, 65,7 и 5,5% соответственно) (Чередниченко 2019).

Таким образом, вывод напрашивается довольно банальный — влияние семьи на трудовую занятость безусловно имеется: чем выше социальный статус и доход семьи, тем более длительные периоды без работы могут присутствовать в трудовой биографии молодежи, так как высокоресурсная молодежь готова либо «пождать работу мечты», не хватаясь за любую предложенную, либо предоставить себе некие каникулы после обучения, не делая из этого трагедию, либо осваивать новые виды занятости, включая неформальную, для дальнейшего самоопределения. Конечно, рассматривать молодежь в целом, не выделяя какие-либо типы, — значит упрощать ситуацию, так как помимо статуса семьи влияние оказывают и определенные трудовые стратегии (см. например, Омельченко 2002), однако это не было предметом рассмотрения в настоящей статье.

Поддержка или конфликты?

Когда существует определенная зависимость молодежи, в том числе финансовая, нередко возникают конфликтные ситуации. Однако ни один из информантов не рассказывал о конфликтах с родителями на почве отсутствия работы. В основном подчеркивалась их поддержка, при этом не только финансовая, но и эмоциональная. Возвращение домой, если работа была в другом городе, воспринимается часто как неоплачиваемый отпуск. Отдохнуть, набраться сил, а уже потом вновь начинать поиски работы.

«Да, вот я сейчас хочу отдохнуть, побыть со своими, потом встретить первое сентября и потом уже спокойно уехать во взрослую жизнь и начать искать самостоятельность» (№ 1).

Эти периоды могут продолжаться несколько месяцев. В большинстве случаев родительская семья помогала в трудоустройстве, по своим

⁵ Даны показатели для выпускников ППСЦЗ и ППКРС.

сетям искала варианты, что подтверждается и другими исследованиями. По данным опроса Росстата выпускников вузов 2010–2015 гг., одним из самых эффективных способов поиска первой работы оказались неформальные каналы — через родственников и знакомых 63,3% выпускников. Но нужно отметить, что выпускниками были использованы также другие каналы — 68,8% пытались найти работу через интернет, а 63,5% также просматривали объявления о вакансиях (Варшавская 2019). Это подтверждается и данными нашего исследования.

Отметим, что в ситуации интервью порой совсем не упоминалась финансовая помощь родительской семьи. Эту информацию удавалось найти из других источников — разговоров с родителями или близкими родственниками (не во всех случаях этот элемент использовался). По какой причине аспект финансовой помощи не упоминается в интервью? Возможно это является чем-то естественным для молодых взрослых, которые, выйдя из периода детства, все еще воспринимают поддержку родителей обязательной. В основном это, конечно, касается обеспеченных и среднеобеспеченных семей. Также причиной может служить и нежелание признавать финансовую зависимость от родственников.

Упоминание о конфликтах из-за денег присутствует в интервью с А., но относительно ситуации с его отцом, который остался вдовцом в молодом возрасте, переехал в родительскую квартиру и долгое время не мог трудоустроиться, приносить стабильный доход.

«Да, блин, у бабушки Гали все пережили. То есть и мы, когда переехали сюда, жили какое-то время [у нее]. У папы же с бабушкой постоянно ругань из-за этого какая-то была. То, что она требовала денег, а он считал, что ничего не должен. Как я понял» (№ 3).

Интересна эта ситуация тем, что в дальнейшем сам А. часто находится на иждивении у отца, бабушек, но он совсем не упоминает об этом в интервью. Хотя установлено из других источников, что конфликты по вопросу работы и самообеспечения с отцом очень серьезны. Попытки семьи дать ему успешный старт неоднократно проваливаются, в итоге сыну покупается однокомнатная квартира (оформленная на отца) с надеждой, что он станет более самостоятельным и ответственным. Через знакомых его устраивают системным администратором в государственную организацию, однако через короткое время он опять теряет работу, так как регулярно опаздывает, не выполняет служебные обязанности в полной мере. И если о конфликтах на почве отсутствия работы или частой ее сменой респонденты не упоминали ни разу, то

конфликтные ситуации, связанные с выбором образования и специальности, встречались чаще.

«...нужно получить образование, нам всем так говорят в детстве. <...> Я вообще хотела поступать в университет искусств, мне сказали: “Нет, сначала нужно получить хлебную профессию, а потом уже вот это вот все”. Поэтому пришлось поступить на менеджмент, потому что кроме как в универ искусств, я не знала, куда я хочу поступить <...> это хорошо если родители как-то подталкивают, либо поддерживают, потому что многие мои друзья поступили на экономистов, на экологов, на моряков только потому, что у них были какие-то увлечения, но их не поддержали родители <...> вот как моя мама сейчас говорит, что надо было тебя поддержать тогда, и вот у нее <...> друзья, их сыновья и дочки, те родители точно так же сейчас говорят, что потому что ходят вот это на работу, которую они терпеть не могут, ну то есть как-то так» (№ 5).

Опасения родителей, что ребенок не поступит туда, куда хочет, или выбранная профессия не гарантирует стабильный доход, трудоустройство, приводят к тому, что многие информанты уже после окончания учебы думают о получении дополнительного образования, при этом желая кардинально поменять профессию. Данные интервью еще раз подтверждают серьезный дисбаланс между системой образования и рынком труда в России.

«...мне кажется, что после школы обязательно должен быть перерыв между школой и институтом. Потому что после школы совершенно непонятно, чем ты хочешь заниматься, что тебе интереснее, вообще какие у тебя взгляды на все, совершенно непонятно, и вот это давление постоянно, что вот ты после школы должен срочно куда-то поступать, не думай, давай иди, отдавай документы, а то не поступишь, вот это совершенно ни к чему, и большинство моих знакомых получили не то образование, которое хотели. Да, есть некоторые, кто работает по специальности, но это просто единицы... Мне образование никак не помогло, и я просто теперь, как и многие мои друзья, жалею о потраченных годах, о потраченной возможности бесплатно получить образование, потому что сейчас я бы уже может быть что-то другое выбрала» (№ 2).

При анализе интервью приходит понимание, что родительская семья оказывает существенную поддержку для безработной молодежи, отчасти либо компенсируя отсутствие достаточной заботы в прошлом, либо стараясь нивелировать последствия излишнего давления при выборе специальности, либо стараясь предложить хороший старт во взрослую жизнь (например, покупая квартиры).

Рассуждая о своем нестабильном положении, молодежь редко ищет причины в семье. Только одна девушка отметила, что излишняя опека и контроль помешали процессу взросления.

«А меня родители очень долго держали в этом состоянии ребенка, ничего нельзя, хотя мне уже 18 лет исполнилось. Нет, ты одна никуда поехать не можешь и все прочее. Из-за этого и работать я поздно стала» (№ 2).

Иной случай у А. (№ 10). Она, напротив, начала рано зарабатывать деньги, так как был сложный период в семье (развод, проблемы с бизнесом у отца), потом совмещала работу и учебу сразу на двух факультетах университета, а теперь, поняв, чем хочет заниматься в жизни, она инвестирует в будущее, занимаясь по сути волонтерством и находясь на обеспечении родителей.

«[это] тот период, когда я за весь период своей “долгой” взрослой жизни села на шею родителям. Я тогда просто поняла, что это так глупо стремиться быть взрослым. Нужно дольше оставаться ребенком в каком плане: у каждого периода есть свои особенности, эти жизненные этапы нельзя пропускать. Мы перескакиваем, стремимся быть взрослыми. Я села на шею родителям, но занялась учебой, саморазвитием» (№ 10).

Вместо заключения

Подводя итоги, следует отметить, что практически во всех интервью (не только из нашей подвыборки) молодежь отмечает проблемы с трудоустройством, поиском работы для себя и своего окружения, тем самым демонстрируя актуальность темы молодежной безработицы. Однако нужно иметь в виду, что для молодежи периоды без работы не настолько проблематизируются, как для более взрослых когорт. Часто бывают непродолжительными и не всегда переходят в хроническую безработицу. Во-первых, это связано с тем, что в это время происходит поиск своей первой работы, для которой используются в основном смешанные стратегии — формальные и неформальные каналы. Так, по данным опроса Росстата, выпускники вузов 2010–2015 гг. использовали разную комбинацию способов поиска (Варшавская 2019). Конечно, в более выигрышном положении оказываются выпускники, уже имеющие опыт работы. Во-вторых, переход «учеба — работа» в основном обеспечивается поддержкой семьи. При поиске работы часто используются связи — семейные и дружественные сети, которые, как правило, остаются в пределах собственного класса. В-третьих, для молодежи, находящейся без работы и без учебы, семьи как с высоким уровнем

социального и культурного капитала, так и низким, стараются оказывать поддержку, включая финансовую, которая часто воспринимается молодежью как обязательная. Однако в семьях с низким уровнем материального достатка, молодое поколение чаще имеет более короткие периоды без работы, так как семья не может обеспечить его потребности и долго содержать, поэтому эта группа использует различные неформальные подработки. В-четвертых, для молодежи в силу своих возрастных особенностей свойственен оптимизм. Уровень субъективного благополучия у поколения миллениалов довольно высок (Радаев 2018: 27–30), как и надежда на собственные силы (Темницкий 2017).

В названии статьи скрыт вопрос: поддержка родительской семьи в период без работы все же стабилизирующий фактор или нет? Безусловно, семья и финансово, и морально поддерживает детей на этом этапе, однако в ряде случаев гиперопека может сыграть злую шутку, формируя иждивенческие настроения, не позволяет детям самостоятельно справиться с трудностями, тем самым проходя путь от зависимости — к независимости, от безответственности — к ответственности.

Приложение

Социально-демографические характеристики информантов

1. Муж., 21 год, СПб. (из Челяб. обл.), высшее (фотограф), на момент опроса без опыта работы, помощь родителям по хозяйству, ожидает оформление военного билета (7 месяцев без работы), из высокоресурсной семьи.

2. Жен., 24 года, пос. Коммунарка (Подмосковье), высшее (инженер), безработная, нерегулярная самозанятость (вяжет на продажу), проживает с мамой, замужем (гостевой брак), из высокоресурсной семьи.

3. Муж., 28 лет, Туапсе, среднее техническое (компьютерные технологии), частая смена работы, длительные периоды без работы, на момент интервью — пожарный, из высокоресурсной семьи.

4. Муж., 24 года, Москва (переезд из Ижевска), высшее (экономист), безработный, в активном поиске, работал кондитером, без опыта работы по профессии, из слаборесурсной семьи.

5. Жен., 27 лет, Москва (переезд из Керчи), высшее (менеджмент), работает в турфирме по специальности, в периоды между работами — поездки к маме в Керчь, из слаборесурсной семьи.

6. Муж., 30 лет, пос. Лынга, среднее техническое (менеджмент), безработный, частая смена мест работы, из высокоресурсной семьи.

7. Жен., 27 лет, Ярославль, среднее техническое (эколог), не работает 7 лет, домохозяйка, из слаборесурсной семьи.

8. Муж., 24 года, Белгородская область, среднее специальное (техник-механик), безработный в настоящее время, частая смена работы, планирует сдать на права и быть водителем фуры, работать у частного, из слаборесурсной семьи.

9. Муж., 26 лет, Белгородская область, среднее неполное (9 классов), безработный, частая смена работы, в основном разнорабочим или трактористом, из слаборесурсной семьи.

10. Жен., 26 лет, Краснодар, высшее, безработная в настоящее время, на содержании родителей, так как активно зарабатывает капитал для работы в гос. управлении, из высокоресурсной семьи.

Источники

Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005.

Бобков В. Н. и др. Занятость и социальная прекаризация в России: введение в анализ / В. Н. Бобков, О. В. Вередюк, Р. П. Колосова, Т. О. Разумова. М.: ТЕИС, 2014. С. 5–91.

Варшавская Е. Я. Российская НЕЕТ-молодежь: характеристика и типология // Социологические исследования. 2016. № 9. С. 31–39.

Варшавская Е. Я. Стратегии поиска работы выпускниками вузов: распространенность и эффективность // Социологические исследования. 2019. № 7. (В печати)

Гурко Т. А. Новые семейные формы: тенденции распространения и понятия // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 99–110. DOI: 10.7868/S0132162517110113.

Должны ли взрослые дети жить с родителями? [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. 2019. № 799–800 (28 января — 10 февраля). URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2019/0799/opros04.php> (дата обращения: 11.05.2019).

Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. 12 лекций по гендерной социологии: Учебное пособие. СПб.: Изд-во ЕУ в Санкт-Петербурге, 2015.

Квале С. Исследовательское интервью. М.: Смысл, 2003.

Омельченко Е. Л. Стиливые стратегии занятости // Социологические исследования. 2002. № 11. С. 36–47.

Радаев В. В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 15–33. DOI: 10.7868/S0132162518030029.

Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014.

Темницкий А. Л. Слагаемые оптимизма российской молодежи // Материалы VII международной социологической Грушинской конференции «Навстречу будущему. Прогнозирование в социологических исследованиях», 15–16 марта 2017 г. / Отв. ред. А. В. Кулешова. М.: ВЦИОМ, 2017. С. 94–97.

Тощенко Ж. Т. Прекариат. От протокласса к новому классу. М.: Наука, 2018. Труд и занятость в России. 2017: Стат. сб. / Росстат. М., 2017.

Чередниченко Г. А. Трудоустройство и положение на рынке труда выпускников среднего профессионального образования // Социологические исследования. 2019. № 7 (В печати)

Черныш М. Ф. Молодежь на рынке труда: проблема неравенства // ИНАБ 2018. № 1. Молодежь: конструирование трудовой биографии [Электронное

издание] / [М. К. Горшков и др.]; Отв. редактор М. К. Горшков. М.: Ин-т социологии ФНИСЦ РАН, 2018. С. 10–22.

Шульц В. Л., Любимова Т. М. Молчание как конструкт дискурса в социолингвистике // Социологические исследования. 2018. № 12. С. 84–93. DOI: 10.31857/S013216250003172-2

Ядова М. А. Хикикомори и НЕЕТ: особенности социальной самоизоляции в молодежной среде // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. Реферативный журнал. 2017. № 4. С. 118–124.

Ярская-Смирнова Е., Карпова Г., Ворона М. «Веселые, непонимающие и бессердечные»? О феномене Питера Пэна // Неприкосновенный запас. 2008. № 6 (62). С. 161.

Arnett J. J. *Adolescence and emerging adulthood: A cultural approach*. 4th ed. Boston: Prentice Hall, 2010.

Arnett J. J. *Emerging Adulthood: The Winding Road from the Late Teens Through the Twenties*. 2nd ed. Oxford University Press, 2014.

Frith S. *The Sociology of Youth*. London: Open University Press, 1984.

References

Arnett J. J. *Adolescence and emerging adulthood: A cultural approach*. 4th ed. Boston, Prentice Hall, 2010.

Arnett J. J. *Emerging Adulthood: The Winding Road from the Late Teens Through the Twenties*. 2nd ed. Oxford Univ. Press, 2014.

Bauman Z. *Individualizirovannoe obshchestvo [The Individualized Society]*. Moscow, Logos, 2005. (In Russian)

Bobkov V. N. et al. *Zanyatost' i sotsial'naya prekarizatsiya v Rossii: vvedenie v analiz [Employment and social precarization in Russia: introduction to the analysis]*. V. N. Bobkov, O. V. Veredyuk, R. P. Kolosova, T. O. Razumova. Moscow, TEIS, 2014, pp. 5–91. (In Russian)

Cherednichenko G. A. Trudoustroystvo i polozhenie na rynke truda vypusknikov srednego professional'nogo obrazovaniya [Employment and the Situation of SVO' Graduates on the Labour Market]. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*, 2019. no. 7 (Is being published) (In Russian)

Chernysh M. F. Molodezh' na rynke truda: problema neravenstva [Youth in the labour market: the problem of inequality]. *INAB [Information Analytical Bulletin]*, 2018, no. 1. *Molodezh': konstruirovaniye trudovoy biografii [Youth': Labor Design biographies]*. M. K. Gorshkov et al., Ed. by M. K. Gorshkov. Moscow, Institute of Sociology of the RAS, 2018, pp. 10–22. (In Russian)

Dolzheny li vzroslye deti zhit' s roditelyami? [Should adult children live with their parents?] *Demoscope Weekly*, 2019, № 799–800 (Jan. 28 — Feb. 10), URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2019/0799/opros04.php> (access date: 11.05.2019). (In Russian)

Frith S. *The Sociology of Youth*. London, Open University Press, 1984.

Gurko T. A. Novye semeynnye formy: tendentsii rasprostraneniya i ponyatiya [New family forms: tendencies of spreading and concepts]. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*, 2017, no. 11, pp. 99–110. DOI: 10.7868/S0132162517110113. (In Russian)

Kvale S. *Issledovatel'skoe interv'yū [InterViews: an Introduction to Qualitative Research]*. Moscow, Smysl, 2003 (In Russian)

Omel'chenko E. L. Stilevye strategii zanyatosti [Employment style strategies]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2002, no. 11, pp. 36–47. (In Russian)

Radaev V. V. Millenialy na fone predshestvuyushchih pokoleniy: empiricheskiy analiz [Millennials compared to previous generations: an empirical analysis]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2018, no. 3, pp. 15–33. DOI: 10.7868/S0132162518030029. (In Russian)

Shul'ts V. L., Lyubimova T. M. Molchanie kak konstrukt diskursa v sotsiolingvistike [Silence as a Discourse Construction in Sociolinguistics]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2018, no. 12, pp. 84–93. DOI: 10.31857/S013216250003172-2 (In Russian)

Stending G. *Prekariat: novyy opasnyy klass* [The Precariat. The New Dangerous Class]. Moscow, Ad Marginem Press, 2014. (In Russian)

Temnitskiy A. L. Slagaemye optimizma rossiyskoy molodezhi [Components of optimism of Russian youth]. *Materialy VII mezhdunarodnoy sotsiologicheskoy Grushinskoy konferentsii «Navstrechu budushchemu. Prognozirovanie v sotsiologicheskikh issledovaniyakh», 15–16 marta 2017 g.* [Materials VII international sociological Grushinsky conference “Towards the future. Forecasting in sociological research”, March 15–16 2017]. Ed. by A. V. Kuleshova. Moscow, VTSIOM, 2017, pp. 94–97. (In Russian)

Toshchenko Zh. T. *Prekariat. Ot protoklassa k novomu klassu* [Precariat. From Protoclass to New Class]. Moscow, Nauka, 2018. (In Russian)

Trud i zanyatost' v Rossii. 2017 [Labour and employment in Russia]. Stat. coll. Rosstat. Moscow, 2017. (In Russian)

Varshavskaya E. Ya. Rossiyskaya NEET-molodezh': harakteristika i tipologiya [NEET-youth in Russia: characteristics and typology]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2016, no. 9, pp. 31–39. (In Russian)

Varshavskaya E. Ya. Strategii poiska raboty vypuschnikami vuzov: rasprostranennost' i effektivnost' [Job search strategies of university graduates: prevalence and effectiveness]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2019, no. 7 (Is being published) (In Russian)

Yadova M. A. Hikikomori i NEET: osobennosti sotsial'noy samoizolyatsii v molodezhnoy srede [Hikikomori and NEET: features of social self-isolation among young people]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sotsiologiya. Referativnyy zhurnal* [Social and Human Sciences. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology. Review Journal], 2017, no. 4, pp. 118–124. (In Russian)

Yarskaya-Smirnova E., Karpova G., Vorona M. “Veselye, neponimayushchie i besserdechnye”? O fenomene Pitera Pena [“Cheerful, uncomprehending and heartless”? The Peter Pan phenomenon]. *Neprikosnovenny zapas* [Emergency store], 2008, no. 6 (62), p. 161. (In Russian)

Zdravomyslova E. A., Tyomkina A. A. *12 lektsiy po gendernoy sotsiologii: Uchebnoe posobie* [12 lectures on gender sociology: Textbook]. Saint Petersburg, Publishing House of the European University at St. Petersburg, 2015. (In Russian)

Демиденко Светлана Юрьевна, ответственный секретарь журнала «Социологические исследования», научный сотрудник, Государственный академический университет гуманитарных наук.

Svetlana Yu. Demidenko, executive secretary (editor) of the journal “Sociological studies”, Research Fellow, the State Academic University for the Humanities. demidsu@yandex.ru